

Стихотворения

Родился в Москве в 1950 году. Учился игре на виолончели. Работал в Большом эстрадном оркестре Росконцерта. Состоял солистом в ансамбле «Мадригал», «Коллегии старинной музыки», «Государственной академической капелле» и других коллективах. Давал сольные концерты. Стихи публикуются в российских журналах и европейских альманахах, стихи и рассказы для детей – в российских и германских изданиях. Живет в Мюнхене.

* * *

Шаг за шагом даётся привычка к нежному
взгляду вглубь предметов. И я – мне прежнему
не чета. И вещи уже приручены.

Но едва различаю сквозь скрип уключины
белоснежный шелест на гребне хроноса
пены слов угасших. Потеря голоса –
не фиаско смысла, но гибель глупости.

Мне – немому – неумогу пасти
табуны одичалых букв. Кому бы мне
сбагрить кнут и рожок? Колумбы не
топчут клумбы под окнами у судьбы. Куда,
если дело – швах, и судьба – труба,
приведёт кривая? В огонь ли... В воду ли...
Всё равно. Неизменно сгорают модули
и в мозгу, и в любом неживом компьютере.

Верно боги что-то во мне напутали...

В мёртвый панцирь звуков вросли артерии
и его не сбросить. А в нём я в двери и
не пытаюсь прорваться к блаженной прелести
тишины, так сладко сводящей челюсти.

Тишины, чьи гладко-лекальные прописи.

Тишины, чьи отблески – зов из пропасти.

* * *

Литою формулой словесной –
чудным магическим ключом
я отомкнул чулан небесный,
где мой пернатый скопидом

хранит осколки мыслей странных,
тяжёлых чувств, нелепых снов,
эмоций тайных, слов туманных,
благих потерь, дурных даров...

И я душою торопливой
внимаю их нестройный звон,
пока мой ангел терпеливый
очами к Богу обращён.

* * *

Мне символ был. Я видел сон, что сплю я наяву.
Что я проник, отринув вон предметную канву,
в глухую область древних чувств, непуганных чудес,
где буква – *лист*, где слово – *куст*, где Песня Песней – *лес*.

Где иероглифы стволов слагают смысл миров,
который каждым цветом нов и каждым звуком нов.
И, открывая тайны вне земного бытия,
я пел во сне. Но мнилось мне: пел ангел, а не я...

* * *

наивность – точка отправная –
уже исчезла за кормой,
а стих неугомонный мой,
с упорством прежним обрастая
иллюзий плотной бахромой,
в поток не вписываясь, горбясь
над смыслом, образует область
недоуменных увлечений
и турбулентных возмущений

строфы, сорвавшейся на крик,
истерику, молитву, вой,
где стойким следствием возник
рассудка цензорский конвой,
сводящий всё и вся к «агу!»,
откуда выплыть не могу...

* * *

Не приведи Господь поэтом стать,
владеющим к тому ж литературным,
обременительным невероятно вкусом!
Вот где источник тихих сумасшествий,
депрессий, самокритики порочной,
кровавых шишек от биения о рёбра
неповторимых, хрупких, точных звуков...

Нет – в графоманы! – только в графоманы!!!
Под юбку пышную к блестяще-скудоумной –
дородной, царственной, воинствующей Музе
с торжественной улыбкой на устах!
Чтоб, заливаясь творческим румянцем,
бежать косою трусцой на пьедесталы
столь вожделенных романтическому сердцу
нетронутых сомненьем клубных сцен
и, так легко, так чисто наслаждаясь,
читать, читать, читать, читать, читать...
Пока не вынесут на ласковых руках
поклонницы, зардевшись от восторга,
шепча в экстазе: «Ах, какой самец!!!»

* * *

Возгласи мне «многа лета»,
попик с ликом палача.
Диким званием поэта
награждён я сгоряча –
странным прозвищем подарен.

Этот титул отдаёт
духом древних пивоварен,
мыльной слизью сточных вод.
Златошитый твой передник
жёстко звякнул мишурой...

Что же ты молчишь, посредник
между небом и душой?

* * *

всё что вертится не вечно
потому что у верчения
в здоровом курсе нет сомненья
а от этого конечно
путь кудряв как шерсть овечья
а отсюда и увечья
а отсюда и падёж
да уж больно невтерпёж

поскорей достигнуть цели
продвигаясь еле-еле
по виткам косой спирали
чтоб в разомкнутом овале
или в эллипсе смещённом
общим током увлечённом
точку резкую найти
где сокрыта цель пути

* * *

Сквозная тема томных свеч
запета до проплешин.
Я не хочу огонь беречь,
который слишком бешен.

Я не могу фитиль нести –
осмысленно и ровно –
над ломкой кромкой пропасти –
фонарщик краткий словно.

Витые свечи на столах
и на ветрах горели.

Огонь плясал на рукавах,
метался трелью в теле.

Огонь, колеблясь, достигал
подвздошных перекрестий,
как маргинальный мадригал –
вне зависти и лести.

Благое пламя я влачу,
как пагубную ношу.

Куда же я мою свечу
постылую заброшу?..

* * *

...И вновь покой нам только снится,
но, так как перманентен сон,

лишь в нём молитва мастерится
тысячелетиям вдогон –

пошли, мол, нам кусочек сыру,
ни бог, ни царь и ни герой,
пока мы – строго по ранжиру –
лежим в поленнице одной...

* * *

Словесной логики лубок
нам импонирует. Но мимо
цветастый катится клубок.
И эта нить неуловима,

неосязаема. И вот –
лишь тонкий срез блеснул на солнце.
Но я успел вплести свой код –
оранжевое волоконец –

в лоскутный, невозможный строй,
уже исчезнувший из виду...
И за мифической чертой
материализуюсь, выйду

в новорождённую среду.
И ей название найду.

* * *

под мерную поступь дворовых дерев
мой сад покидающих сырый
так сладостно было в объятиях дев
внимать дребезжанию лиры

мне трогали сердце тимпана галоп
и флейты домашней журчанье
поющей о сени неведомых троп
в тропическом сне мироздания

всего я лишился – повеса и мот –
и только по всплеску в передней
я девы последней заметил уход
по следу берёзы последней

* * *

что поэзия
всего лишь
сопряжение вселенных

так метафору уронишь
а она в пространствах пенных

в смысловых лохматых пятнах
для ума невероятных

попорхав до посиненья
не набрав ни грана генья
плоско ляжет на бумагу
и из пошлости ни шагу

Н. Гениной по поводу публикации стихов А. Рево в московском журнале «Знамя»

Когда рожал я вирши эти,
увы, мне было не до шуток.
Всегда имеется в поэте
какой-то вялый промежуток,

где нужен паровоз, толкатель,
игратель на неровном нерве...
вот потому и льнёт писатель –
столь жалким образом – то к стерве,

то к музе злой и недалёкой –
владелице литого бюста
(ах, лишь бы око с поволокой,
а что в тумане знойном пусто,

и нет начинки кроме пара –
плевать...). Но я нашёл Няяду,
в чьём взоре чувственная хмара
таит высокую награду

перу, творящему из звука
лихие умственные штуки.
Вот тут словесная наука
попала в правильные руки!

.....
В твои, Наталия, объятья
могу безбоязно отдать я
все буквы – мелкие, как блошки,
под бурым Знаменем обложки!